DOI: 10.17976/jpps/2019.04.13

НОВЫЙ АВТОРИТАРИЗМ В ПОЛЬСКОМ ОБЛАЧЕНИИ

А.В. Глухова, Р.В. Савенков

ГЛУХОВА Александра Викторовна, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой социологии и политологии, Воронежский государственный университет, Воронеж, email: avglukhova@mail.ru;
САВЕНКОВ Роман Васильевич, кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и политологии, Воронежский государственный университет, Воронеж, email: rvsaven@gmail.com

Глухова А.В., Савенков Р.В. Новый авторитаризм в польском облачении. – Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 181-191. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.13

Статья поступила в редакцию: 03.12.2018. Принята к публикации: 26.12.2018

Аннотация. Авторы делятся размышлениями, пробужденными чтением книги польского социолога М. Гдулы "Новый авторитаризм" (Варшава, 2018). Важно, что феномен нового авторитаризма, привлекший внимание польских ученых, нельзя назвать сугубо польским явлением. Напротив, его черты обнаруживаются в разных странах и регионах, что в значительной степени объясняется реакцией общества и политических элит на болезненные процессы глобализации, модернизации и демократизации, характерные для последней трети XX – начала XXI вв. Новой эта разновидность авторитаризма называется потому, что он, в отличие от традиционных диктатур, взывает к демократическим практикам, к соревновательному электоральному процессу и к демократической имажинации. Народ как суверен власти вручает правительству мандат на неограниченное господство над нормами Конституции. Справедливость как выражение народной воли стоит выше права. Квинтэссенция этого авторитарного проекта заключается в солидарности, суженной до собственного национального сообщества, и в доминировании последнего над более слабыми – меньшинствами и чужаками. Пришедшая в 2015 г. к власти партия "Право и справедливость" во главе с Я. Качиньским обозначила движение страны в этом направлении как политику "правого поворота", сделав акцент на социальную поддержку населения и новую культурную политику. Поддержка партии "Право и справедливость" со стороны большинства населения объясняется как частичной удовлетворенностью ее социально-экономической политикой, так и чувством принадлежности к "политической драме", инсценируемой партийным лидером.

Ключевые слова: Польша, новый авторитаризм, Право и справедливость, Я. Качиньский, политика "правого поворота", политическая драма, Гражданская платформа.

Существует обширный пласт исследований авторитаризма, выполненных в рамках разных исследовательских стратегий, включая сравнительный метод [Levitsky 2010; Linz 1996]. Несмотря на обаяние демократической волны, ставшей политическим мейнстримом последней четверти XX в. и приоритетной темой для многих научных изысканий, тревоги относительно результатов этого глобального тренда и внимание к его откатам никогда не переставали волновать научное сообщество.

И все же книга польского социолога М. Гдулы "Новый авторитаризм" [Gdula 2018], написанная по результатам социологических исследований польского общества, привлекла к себе особое внимание[1], и не только ученых: га-

[1] Концепт нового авторитаризма М. Гдула разработал, изучая отношение к политике "правого поворота" на примере небольшого процветающего городка в Мозовии. Были взяты биографические данные его жителей и качественные интервью с ними.

зета "Речь Посполита" назвала ее одной из трех книг, помогающих лучше понять современное состояние Польши[2]. Но дело не только в польском *case study*: политологи фиксируют глобальный откат третьей волны демократизации, наблюдаемый в разных регионах мира: на Филиппинах, в Индии, Турции, России, Венгрии, а также опасный рост правового популизма в Западной Европе и США [Хантингтон 2003; Карозерс 2005; Глухова, 2017]. Этот тренд в полной мере еще не осмыслен, в силу чего небольшая, но очень содержательная книга польского социолога представляет собой несомненный интерес.

ПОЛЬСКАЯ УНИКАЛЬНОСТЬ ИЛИ ЕВРОПЕЙСКАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ?

С одной стороны, Польша никогда еще не была такой свободной, благополучной, суверенной и современной, как сегодня. С другой стороны, беспокойство вызывает эрозия демократических ценностей, антизападная и исламофобская пропаганда правительства. Обращение с политической оппозицией ниже всяких демократических стандартов: политические противники правящей партии "Право и справедливость" (ПиС) демонизируются как враги польского суверенитета. ПиС стремится к тотальному контролю над государственными институтами, под угрозой оказался принцип разделения властей. Попытки лишить независимости Конституционный трибунал, превратить СМИ в пропагандистов правящей партии и в целом приступить "с поистине революционным задором к перестройке всей политической системы Польши" [Bachmann 2018: 9] вызвали обоснованную тревогу за судьбу демократии как внутри страны, так и за ее пределами [Яжборовская 2016: 49].

Вместе с тем действия польских властей разбудили активность гражданского общества. Поляки вышли на улицы, чтобы защитить Конституцию, независимость судебной власти, права женщин. Бургомистры, государственные советы и региональные политики, не принадлежащие к ПиС, открыто поддержали гражданское движение по сохранению либеральной демократии.

Как можно объяснить происходящие процессы, учитывая, что они свойственны не только Польше? Какова роль в них объективных факторов (исторического опыта, традиций) и субъективной воли элит, отыскавших свой путь к сердцам сограждан? Каковы перспективы польской политики?

По мнению Б. Керски, все большую озабоченность вызывает предрассудок, набирающий популярность на Западе: в восточноевропейских странах у демократии нет глубоких корней, и на поверхность чаще выходят авторитарные традиции [Kerski 2018]. Якобы западный ценностный мир заканчивается между Эльбой и Одером. Однако нельзя так упрощенно толковать ситуацию в странах – новых членах ЕС. "Политические и культурные изменения, отмеченные в Польше, лишь наполовину объясняются внутриполитическими причинами, – считает Б. Керски. – Остальные 50% отражают общеевропейские, универсальные противоречия и вызывают беспокойство по поводу политической опасности, грозящей и западной демократии" [ibid.: 5].

Специфически польский фактор – это, к примеру, националистическая радикализация части католической церкви, происходящая под влиянием пастора и медийного магната Тадеуша Ридчика. Его медиа имеют колоссальное влияние на многих верующих. Другая польская специфика состоит в злоупо-

[2] Maciejewski J. Gdula, Matyja, Sawczuk. Księgi politycznego rozsądku. – *RzeczPospolita*. 21.09.2018. URL: https://www.rp.pl/Plus-Minus/309209875-Gdula-Matyja-Sawczuk-Ksiegi-politycznego-rozsadku.html&cid=44&template=restricted (accessed 25.04.2019).

треблении памятью о катастрофе под Смоленском в 2010 г., в которой погибло политическое руководство страны во главе с президентом Л. Качиньским. Эта трагедия используется для нанесения удара по политическим оппонентам ПиС и легитимации собственной политики.

Третья особенность заключается в интерпретации новейшей истории, оценке роли первого президента Польши Л. Валенсы в движении "Солидарность" и круглого стола 1989 г. Оспаривается целесообразность политики компромисса с коммунистическими властями, достигнутого в рамках переговорного процесса.

Прочие вызовы нельзя назвать специфически польскими, с ними сталкиваются многие европейские страны. Это страх перед последствиями глобализации, критика неолиберализма, т.е. опасной расстыковки либеральной политики и идеи социальной справедливости, трансформация политической общественности благодаря интернету и т.д. Недооцененную опасность представляет собой также эрозия памяти: многие молодые люди в Европе воспринимают континент без границ как нечто, само собой разумеющееся, но ценность этого достижения и мирной совместной жизни уже признается не всеми.

Решающим фактором в успехах популистских партий во всей Европе стал *культурный поворот* прошедших лет: во многих странах выросла тоска по ясным идентификационным образцам, особенно по национальной идентичности, а также по простым интерпретациям глобальных изменений. В Польше также велик страх перед последствиями либерализации и интернационализации политической, экономической и культурной жизни. И здесь глобализация и европейская интеграция перемешаны: считается, что реакцией на негативные последствия глобализации должен стать общеевропейский поворот назад. Возвращение к национальному захватывает и соблазняет многих, в том числе и молодых людей, получающих выгоду от Европы открытых границ и высоких шансов на образование.

Национальный эгоизм – это общеевропейский феномен, но в посткоммунистических обществах эта тенденция действует сильнее. Между тем эти общества после 1989 г. пережили заметный рост благосостояния, хотя и не достигли западных стандартов. Однако нынешнее положение их не устраивает: они хотят стать Швейцарией, а не оставаться европейской периферией. Растущие требования ЕС только мешают; раздражает позиция немецких политиков, когда они указывают на проблемы и требуют вносить свой вклад в общеевропейскую солидарность, а не только рассчитывать на помощь Евросоюза [Kerski 2018].

Есть еще один аспект – специфическое наследие коммунизма, объясняющее рост национализма в посткоммунистической Европе. Коммунистические властители в последней фазе существования советской империи выступали не как представители левых, эмансипаторских ценностей, но легитимировали свою власть как выразителей *национальных интересов*. Поэтому в культуре и языке они прочно закрепили национализм: их риторика пропитана образами врага, антисемитизмом и антизападничеством. Новое мышление, мультикультурность, открытые общества и плюрализм должны были бы стать моделью, противоположной коммунистическому наследию, обеспечить доступ к широкой общественности. Но становится ясно, как нелегко этого добиться и как легко реанимировать прошлые образцы.

Это наследие, враждебное по отношению к "чужому", ярко выразилось во время дебатов по поводу обращения с беженцами: миграция вызвала борьбу в польском парламенте осенью 2015 г., сделав ее главной темой ПиС. При этом

были сознательно объединены в одну катастрофическую историю кризис беженцев и исламофобия, критика мультикультурализма и требования защитить собственную моноэтническую идентичность.

Несмотря на агрессивные атаки ПиС на демократические институты, она все еще пользуется поддержкой около 43% населения[3]. Новые же партии, на которые возлагались большие надежды, либо теряют сторонников, либо не в состоянии привлечь новых избирателей. По мнению М. Гдулы, для них характерен страх перед партией Я. Качиньского. Этот страх, на взгляд автора, испытывает и главная на сегодняшний день оппозиционная партия Польши – "Гражданская платформа" (ГП), обладающая поддержкой 24% депутатов Сейма[4], структурой и деньгами. Требуется трезвый анализ того наследия, которое оставила полякам эта партия.

ДИАГНОСТИКА НАСЛЕДИЯ ЛЕВЫХ И ПРАВЫХ ЛИБЕРАЛОВ

Диагностику наследия либералов М. Гдула начинает с экономики. Нельзя сказать, что восьмилетнее правление ГП оставило Польшу в руинах, как это иногда преподносят ее критики. Более того, с 15% в 2007 г. до 10% в 2015 г. снизилась безработица, выросли показатели уровня и качества жизни, а вместе с ними и уровень ожиданий в отношении государства. В экономике, несмотря на очевидные успехи, обычной практикой стал отход от норм трудового права для работающих по договору, безразличие к положению части работников и к общественным расходам. Для большинства это означало снижение степени защищенности перед властью работодателя и существование в условиях беспощадной конкуренции.

Сильную общественную реакцию вызвала реприватизация, в которой предприниматели, имея влияние на изменение законодательства, выигрывали перед интересами локальных сообществ. Достаточно вспомнить замораживание на шесть лет порога взимания налогов для социальной защиты. Доля расходов на социальное обеспечение упала с 18,3% в 2002 г. до 16,7% в 2010 г. [Gdula 2018: 6]. В этой стратегии трудно признать что-либо другое, кроме игнорирования тех, кто оказался за бортом, но поддержки тех, кто управляет их расходами. И хотя "Гражданская платформа" в конце правления пыталась внести коррективы в свою общественную политику, например, приняла проект "злотый за злотый", вводящий уменьшенные выплаты для тех, чьи доходы превышают определенный порог, но эти изменения были настолько незначительными и запоздалыми, что не смогли изменить общего впечатления от деятельности партии.

Другой площадкой острого политического соперничества стала публичная сфера, изменяющаяся под влиянием интернета. В СМИ началась конкуренция за внимание читателя и зрителя, упрощающая общественные дискуссии. Так же упрощенно правительство Д. Туска поступило с общественными школами, жалуясь на их низкие рейтинги и проводя реформы, целью которых было достижение ими мирового уровня. Однако в отсутствие достаточного финансирования престиж польской науки был снижен, а студенты стали ориентироваться на получение образования в заграничных вузах.

По мнению М. Гдулы, политики из "Гражданской платформы" приложили немало усилий для создания в стране душной идейной атмосферы, ощуща-

[3] Preferencje partyjne w kwietniu 2019. – *Komunikat z badań Centrum Badania Opinii Społecznej*. No. 55. 2019. S. 4.

[4] Ibidem.

емой до сих пор. Дело в том, что официальное объявление 1 марта 2011 г. Национальным днем памяти "отверженных солдат" произошло по инициативе тогдашнего президента Польши Б. Комаровского. Под маркой антикоммунизма открывались двери для националистов и шовинистов, что подтверждает идейный и этический инфантилизм политиков-либералов. Поддерживая националистов, ГП пыталась продемонстрировать свой патриотизм.

Выбор лидером "Гражданской платформы" Г. Схетыны в 2016 г. стал признаком того, что партия учитывает вызовы, связанные с новой политической ситуацией, но выбор лидера был сделан на основе традиционных иерархических внутрипартийных правил, а не с целью найти контакт и поддержку со стороны новых политических сил. Такая ситуация отрицательно повлияла на весь политический климат в Польше: выяснилось, что политическая инициатива принадлежит Я. Качиньскому, а политики от парламентских партий настроены лишь на подсчет его промахов, но не в состоянии предложить привлекательный альтернативный проект. Между тем увеличивается масштаб общественных протестов против отдельных действий ПиС. "Ситуация такова, что оппозиционные партии и общество не являются игроками одной команды, – считает М. Гдула. – Частично это вытекает из антиполитического характера демонстраций, но трудно объяснить все только этим. Энтузиазм и энергия протестов не стыкуются со словами и действиями политических лидеров. Политики выражают тоску по старому, а протестующие против Качиньского больше тоскуют уже по чему-то новому" [ibid.: 11].

Таким образом, лидеры "Гражданской платформы" не в состоянии победить самого сильного союзника Я. Качиньского – демобилизацию значительной части центристского и левого электората. Это люди, чувствующие, что политика теряет смысл. Они не знают лидеров, которые бы защищали важные для них ценности и решения. Свои запросы они все чаще перенаправляют в общественную сферу, не надеясь увидеть их в каком-либо проекте политических перемен. Ни "Гражданская платформа", ни возможная межпартийная коалиция не пока может мобилизовать их на голосование.

Неутешителен прогноз автора и для непарламентской "левицы", хотя без нее не будет шансов на окончание правления ПиС. Нынешние слабые позиции левых сил, по его мнению, – это заслуженная кара за прошлые ошибки. В особенности им не хватает непредвзятого анализа собственных просчетов и четкого диагноза того, что является источником силы ПиС.

Социал-демократы в 1990-е годы, воодушевленные развитием экономики после упадка реального социализма, стали нечувствительными к негативным эффектам действия капиталистических механизмов и верили, что рынок разрешит все проблемы с неравенством. Отсюда их солидарность с неолиберальными проектами дерегулирования, приватизации, ограничения дефицита бюджета и снижения налогов. В обмен на интерес к острым вопросам политической жизни (абортам, эвтаназии, экологии, культурным меньшинствам и т.д.) был отброшен язык классовой борьбы, что трактовалось как форма перехода от "грязной" политики интересов к "чистой" политике ценностей. Но "грязные" проблемы не исчезли, а скорее обрели силу из-за невнимания к ним. Люди, покинутые левыми, повернулись к популистам, которые вызвались защищать их интересы, соединяя критику истеблишмента и негативных сторон глобализации с гомофобией и отрицательным отношением к меньшинствам. Специфика такого популизма заключается в том, что его представители, получив власть, несмотря на агрессивную антиистеблишментскую риторику, продолжали реализовывать неолиберальную политику.

До сих пор основной формой критики правящей партии ПиС со стороны левых сил остается отнесение ее к популистам, имеющим электоральный успех в ряде европейских стран. Однако, по мнению М. Гдулы, формула популизма не является удачным объяснением и не помогает левым сформулировать альтернативу правительству Я. Качиньского. Лозунгами возрожденной "левицы", по его мнению, должен стать поворот к классовому конфликту и перераспределению. Вместо популизма правильнее говорить о неоавторитаризме, который реализуется в специфических условиях публичной сферы посредством интернета, при изменившейся классовой картине и создает новые формы политической субъектности [ibid.: 26].

ЗАГАДКА НОВОГО АВТОРИТАРИЗМА

Раздел 4 книги М. Гдулы посвящен феномену неоавторитаризма. Автор отмечает, что и спустя три года после парламентских выборов высокая популярность ПиС остается загадкой для большинства исследователей польской политической жизни. Ни одно правительство за 20 лет не критиковали так сильно, ни одно правительство не провоцировало такого большого количества массовых уличных протестов. Одновременно поддержка ПиС остается весьма высокой, и ей, по всей видимости, пока не может угрожать никакая другая политическая сила. Более того, доминирование партии Я. Качиньского может даже укрепиться. Как объяснить этот политический феномен?

С одной стороны, есть мнение, что ПиС разбудила в польском народе ксенофобию, подозрительность, недружелюбие по отношению к чужакам и склонность к диктатуре, несмотря на все лозунги о свободе. Но такой диагноз фактически устраняет рефлексию над темой, почему ПиС ранее проиграла семь выборов, а затем неожиданно получила абсолютную власть. В политической практике говорят о языке двух Польш – открытой и закрытой. Первая хочет победить вторую, вызвать у нее стыд, а своим последователям дать ощущение принадлежности к высшей цивилизации. ПиС легко удается повернуть эту критику в свою пользу, так как обычным людям не хочется чего-либо стыдиться. Следовательно, поддержка ПиС имеет привкус освобождения от чувства стыда и свободы выбора.

Другое объяснение поддержки ПиС опирается на уверенность в том, что эта партия просто купила поляков за 500 злотых, выплачиваемых при рождении второго ребенка, и повышение минимального размера оплаты труда. В марте 2017 г. 77% поляков считали программу "500+" успешной, и только 20% были ее противниками. Люди рассматривают эту социальную инициативу как инструмент борьбы с бедностью и способ обеспечения нормальной жизни для своих семей. Трудно представить себе партию, которая могла бы выиграть выборы, обещая упразднить эту программу.

Третья, наиболее тонко подмеченная причина популярности ПиС заключается в ее популизме: она делает акцент на неравенстве при капитализме, сильно упрощая реальность. При этом она метко попадает в запрос пострадавших от рыночных реформ и получает их поддержку. Однако результаты мониторинга, проведенного перед местными выборами, показывают, что образ ПиС как "партии народного гнева" сильно деформирован. Действительно, поддержка партии среди рабочих и крестьян весьма высока – 46,8% и 53,2% соответственно [ibid.: 68]. Но явка на выборы у них всегда была существенно ниже, чем в остальных социальных группах. ПиС никогда не достигла бы

высокого результата, если бы не поддержка среднего класса, т.е. работников администрации и сферы услуг. Здесь ее победа не была такой явной, но, тем не менее, она получила наибольшее количество голосов – 35,4% [ibidem]. Единственной социально-профессиональной группой, в которой одержать победу удалось "Гражданской платформе", стали директора и руководители. Но даже и здесь ПиС "наступала на пятки" и получила всего на 1,7% меньше, чем ГП [ibidem]. Помимо сказанного, ПиС выиграла и среди собственников фирм (29,1%), и среди людей с высшим образованием (30,4%) [ibidem].

Как видим, ПиС не является популистской в том смысле, что всего лишь презентует интересы "простых людей" против иных социальных групп (в частности, против элиты и среднего класса). Она побеждает даже в привилегированных группах, которые однозначно выиграли от системной трансформации последних трех десятилетий. Сторонники партии имеют все основания утверждать, что это общепольская партия, не привязанная электорально к какому-то одному классу или группе избирателей, но добивающаяся соединения разных интересов.

Как показывали социологические опросы в декабре 2017 г. [ibid.: 86], поддержка ПиС заметно меньше, когда речь заходит об отдельных вопросах их программы, например, о независимости суда, незыблемости Конституции, праве женщин на аборт, роли католической церкви в общественной жизни или роли местного самоуправления. Но социально-политические мероприятия (политика поддержки семьи, снижение пенсионного возраста и повышение минимального размера оплаты труда) находят однозначную поддержку.

Отдельного внимания заслуживает способ получения такой поддержки, проанализированный М. Гдулой. В ходе избирательной кампании ПиС обращалась ко всем, кто увлекался рассказами о сильной и гордой Польше. Серия социальных реформ, повышение минимального размера оплаты труда, отзыв реформы повышения пенсионного возраста – все это было подчинено общему повороту в политике. В президентской и парламентской кампаниях возникали новые политики, которые давали надежду на замену скомпрометированных элит из ГП, обещали распределять более равномерно плоды экономического роста. Народно-патриотическая основа этого проекта возникла за счет соединения части простых людей и среднего класса, представляющей альтернативу гегемонии обеспеченного среднего класса.

М. Гдула обращает внимание на то, что Я. Качиньский использовал представления о желательности глубоких перемен в системе Польской Республики. Здесь проявляется необычайно сильная позиция лидеров, не ограниченных выборными рамками и партийными структурами. Я. Качиньский переформатировал Польшу, изменил отношения между партией и электоратом и создал новые формы политической субъектности. Поэтому нельзя говорить о ПиС как о популистской партии, эксплуатирующей лишь актуальные проблемы в целях политического успеха. "Мы наблюдаем неоавторитаризм, который создает новый тип вовлечения в политику и отношения с внешним миром" [ibid.: 84].

Разные группы избирателей поддерживают ПиС по различным основаниям, и за их политической идентификацией стоят различающиеся, не обязательно связанные с собственным жизненным опытом или осязаемыми материальными интересами аргументы. Поддержка ПиС существенным образом "результируется из удовлетворения от принадлежности к политической драме, инсценированной партийным лидером", – считает В. Сутовски [Sutowski 2018]. Режиссер этой драмы – Ярослав Качиньский, бесспорный лидер правитель-

ственного лагеря, представляет себя и своих последователей в различных ролях: как жертв Третьей польской республики; как гордых членов единой национальной общности; как людей, стремящихся к власти и контролю. Роли в этом спектакле соответствуют трем опорным столпам политической программы ПиС, которая предлагает различным электоральным группам идентификацию с проектом Я. Качиньского. Во-первых, обещание "рассчитаться с элитами", отождествляемыми с культурным и политическим истеблишментом Третьей республики; во-вторых, перспектива включения в национальное сообщество, предусматривающее другую эстетику, чем у среднего класса; в-третьих, морально легитимированное господство над более слабыми.

Вера в то, что новое правительство сочтется с элитами, якобы предавшими национальные интересы, соответствует стереотипу избирателя ПиС как реваншиста, который действительно хочет мстить за допущенную несправедливость. Следует учитывать, что даже поляки, не голосовавшие за ПиС, негативно относятся к этаблированным элитам и рассматривают атаку на них как восстановление справедливости и морального порядка. Отсюда проистекает одобрение частью избирателей контроля над Конституционным судом со стороны исполнительной власти как способа наведения порядка. В сознании народа доминируют представления о том, что элиты Третьей республики, особенно бывшие члены правительства, не сдержали своих обещаний. Среди представителей среднего класса звучат обвинения в коррупции и в аморальных практиках бывших властных элит.

Второй элемент политической программы ПиС – это по-своему инклюзивное в*и*дение национальной польской общности, которая дает простому человеку ощущение принадлежности к группе "нормальных людей". Это означает, что больше не надо присягать на верность "европейским ценностям", чтобы ощущать себя полноправным и полноценным членом польского сообщества – так воспринимают многие поляки предлагаемое правительством определение своего народа. Через все слои общества должны проходить, связывая его воедино, национальные символы, вера и гордость за свою историю. В нарративе ПиС и ее избирателей "народ" есть солидарная общность, в которой родители, несущие тяготы воспитания детей, должны получать государственную поддержку. Программа "500+" поначалу подвергалась критике, но сейчас воспринимается положительно. Представители среднего класса рассматривают ее как некий "цивилизаторский стандарт", а народ – как выражение социальной справедливости. В этом нарративе о национальной общности солидарность ограничена: бывшие элиты к ней не принадлежат, поскольку служили чуждым интересам. Это же относится к так называемой патологии общества, т.е. к людям, не соблюдающим моральные нормы – правонарушителям, алкоголикам и беженцам.

С проблемой беженцев, ставшей важнейшей темой избирательной кампании 2015 г., связан третий элемент политической программы ПиС: речь идет о чувстве власти, вызываемом в избирателях и направленном против слабых групп, которые одновременно рассматриваются как морально неполноценные. В отношении приема беженцев у большей части польского общества господствует скепсис. Люди из народного класса приводят практические аргументы – вроде стоимости оказываемой помощи или угрозы терроризма. Одновременно признается тяжелая ситуация с беженцами из зоны военных действий, но при условии оказания им помощи "на месте". Опрошенные Гдулой приверженцы

ПиС из рядов среднего класса, напротив, воспринимают беженцев как ленивых экономических мигрантов, выражают презрение в отношении мужчин с Ближнего Востока, которые бросили свои семьи, вместо того чтобы защищать их с оружием в руках. Поэтому беженцы не только исключены из солидарного сообщества, но и маркированы как морально неполноценные группы, как "патология общества", подобно элитам режима Третьей республики.

Анализируя этот феномен, часть экспертов все еще сохраняют оптимистический взгляд на состояние польского общества, полагая, что оно только на минуту дало себя обмануть лидерам ПиС, но скоро проснется и отвернется от Я. Качиньского. В этой политико-психологической оптике есть один существенный изъян, заключающийся в том, что предпринятые партией Я. Качиньского действия имеют якобы чисто внешний характер и не меняют людей. Однако действительность куда более серьезная, чем это видят комментаторы – действия Качиньского изменили людей, у них возникла очень сильная связь с ПиС. Хотя после острых протестов поддержка ПиС всегда ненадолго снижалась, партия восполняла эти потери. Следовательно, есть нечто такое в этих действиях, что позволяет людям идентифицировать себя с происходящими переменами и оценивать их как привлекательные.

КАКОВЫ ЖЕ ПЕРСПЕКТИВЫ?

Стала ли Польша демократией "молчаливого большинства", выступающего против "протестующей улицы" и "критикующей заграницы"? Одерживает ли триумф голос "простого человека" над страхами и высокомерием истеблишмента? Чего ждать от "правого поворота" к "новому авторитаризму"? Существует ли политическая партия, которая на следующих выборах может на равных соперничать с ПиС?

Как показал опыт прошедших лет (а именно удавшиеся протесты и результаты социологических опросов), поляки не хотят реставрации Третьей республики, а представляющие ее партии не могут поколебать гегемонию ПиС. Также мало шансов у так называемой мягкой версии правящей партии, которая меньше конфронтировала бы с политикой Евросоюза. Роль фронды частично разыгрывается различными фракциями внутри ПиС, в частности, президентом Польши Анджеем Дудой. Систематическая критика ПиС (под лозунгом "защиты демократии") со стороны респектабельных СМИ, формирующих общественное мнение, не убеждает новые группы избирателей. И, наконец, удачная уличная мобилизация общества не заменяет альтернативу в форме партии или избирательного движения, которое необходимо создать.

Партия Я. Качиньского привлекла умеренных избирателей, поскольку обращалась не только к проигравшим от трансформации, но и реагировала на существенно возросшие амбиции населения. Десятилетие после вступления Польши в ЕС было временем модернизации, в результате которой общий жизненный стандарт, как и надежды населения, существенным образом выросли. Люди ждут от своего государства еще больших достижений, чем прежде. Государство должно демонстрировать действенную силу и не только сообщать своим гражданам о неудачах, но и объяснять, почему правительство не выполняет свои обещания. Радикальным выражением этого запроса к государству является вера в неограниченный мандат парламентского большинства, который ни в коем случае не должен быть ограничен конституционными нормами.

Исследование М. Гдулы не содержит рецепта по изменению политической ситуации. Вместе с тем непременным условием для нового открытия политики он называет выдвижение оппозицией такого кандидата, который будет способен предложить полякам альтернативную "политическую драму", отличную от той, что предлагает Я. Качиньский. Она должна основываться на ином в*и*дении "хорошей жизни", другом ответе на возросшие амбиции польского общества, чтобы мобилизовать, в том числе и тех избирателей, которые противостоят всему политическому классу в целом.

В конце книги М. Гдула обозначил тематические поля, на которых будут разыгрываться политические сражения за будущее Польши. Это место страны в будущей Европе, ценность плюрализма в политическом сообществе, границы солидарности (включая ситуацию с беженцами), вопрос о правах женщин и об общественной этике, в которой равноправие должно соединяться с социальной безопасностью. Политическая альтернатива правящей партии не обязательно должна быть левоориентированной. "Диагноз лежит на улице, рецепты кристаллизуются вовне. Но терапия – не дело социологов; это дело лиц, принимающих политические решения", – отмечает М. Сутовски [Sutowski 2018: 18].

В октябре 2018 г. в Польше состоялись коммунальные и региональные выборы, на которых выбирали президентов (мэров) городов, депутатов уездов и воеводств. Как и ожидалось, выборы оказались в целом успешными для партии власти. Объединение правых в составе партий "Право и справедливость", "Солидарная Польша" и "Согласие" получило в сумме 32% избирателей[5]. Основную поддержку консерваторам оказали восточные регионы страны.

Оппозиционные "Гражданская коалиция" и "Польская крестьянская партия", выступавшие порознь, в сумме набрали около 41%, получив кресла градоначальников в Варшаве, Люблине, Вроцлаве, Познани и Лодзи [Дутчак 2018]. Результаты голосования показали, что партия власти хотя и сохранила значительную поддержку избирателей, но практически не имеет влияния в крупных городах: за нее традиционно голосуют на периферии. В свою очередь, либеральная оппозиция одерживает победы в крупных городах. В случае если оппозиции удастся договориться и создать широкую коалицию, ПиС может потерять свои лидирующие позиции.

Комментируя прошедшие выборы, М. Гдула отметил, что результат парламентских партий "Гражданская платформа" и "Современная Польша", выступавших против доминирования ПиС, оказался слабее их же результата в 2015 г. По мнению автора, польское общество расколото на симпатизантов и противников ПиС, однако существует еще и третья группа избирателей, отказывающихся присоединиться к одному из двух основных лагерей. Эта третья группа – потенциальная база левых политических сил, тем более что в ходе избирательной кампании доминировала левая риторика, развернувшаяся вокруг вопросов о качестве жизни и проблем социальной обеспеченности[6].

[5] Дутчак В. Местные выборы в Польше: кто победил и почему это важно для нас. – *Etcetera*. 25.10.2018. URL: https://etcetera.media/vyiboryi-v-polshe-kto-pobedil-i-pochemu-eto-vazhno-dlya-nas.html (accessed 25.04.2019).

[6] Gdula M. *My też wygraliśmy wybory samorządowe! – Krytyka Polityczna*. 25.10.2018. URL: https://krytykapolityczna.pl/kraj/my-tez-wygralismy-wybory-samorzadowe/ (accessed 25.04.2019).

Местные выборы 2018 г., вероятнее всего, можно рассматривать как генеральную репетицию парламентских выборов 2019 г. и президентских выборов 2020 г.

DOI: 10.17976/jpps/2019.04.13

NEW AUTHORITARIANISM IN POLISH VESTMENT

A.V. Glukhova[1], R.V. Savenkov[1]

[1]*Voronezh State University. Voronezh, Russia*

GLUKHOVA, Aleksandra Viktorovna, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor, Head of Department of Sociology and Political Science, Voronezh State University, Voronezh, email: avglukhova@mail.ru; **SAVENKOV, Roman Vasilevich**, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Associate Professor of the Department of Sociology and Political Science, Voronezh State University, Voronezh, email: rvsaven@gmail.com

Glukhova A.V., Savenkov R.V. New Authoritarianism in Polish Vestment. – Polis. Political Studies. 2019. No. 4. P. 181-191. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.13

Received: 03.12.2018. Accepted: 26.12.2018

Abstract. The authors share their reflections, awakened by the reading of the book by the Polish sociologist M. Gdula, "New authoritarianism", published in Warsaw in 2018. Attention is drawn to the fact that the phenomenon of new authoritarianism, which attracted the attention of Polish scholars, is not a purely Polish phenomenon. On the contrary, its features are found in different countries and regions, which are largely explained by the reaction of society and political elites to the painful processes of globalization, modernization and democratization, which are characteristic of the last third of the 20th - early 21st centuries. This type of authoritarianism is called new because, unlike traditional dictatorships, it appeals to democratic practices, to competitive electoral process and to democratic imagination. The people, as the sovereign of power, give the government the mandate to unlimited domination over the norms of the Constitution. Justice as an expression of the people's will stands above the law. The quintessence of this authoritarian project lies in solidarity narrowed to its own national community and its dominance over the weaker, minorities and outsiders. The party "Right and Justice" (PiS), led by J. Kaczynski, came to power in 2015, which marked the country's movement in this direction as "a policy of a good turn", focusing on the social support of the population and the policy of cultural change. Support for PiS by the majority of the population is explained both by partial satisfaction with its socio-economic policy and by its sense of belonging to the "political drama" staged by the party leader.

Keywords: Poland, new authoritarianism, Law and Justice, J. Kaczynski, good turn policy, political drama, Civil Platform.

References

Bachmann K. 2018. Zur Entwicklung der polnischen Demokratie. – *Aus Politik und Zeitgeschichte*. No. 10-11. P. 9-14.

Gdula M. 2018. *Nowy autorytaryzm*. Warszawa: Wydawnictwo Krytyki Politycznej. 112 p.

Kerski B. 2018. Polnische Widerspruche, Europaische Widerspiegelungen: Was uns trennt, verbindet uns. – *Aus Politik und Zeitgeschichte*. No. 10-11. P. 4-8.

Levitsky S., Way L. 2010. *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War*. UK: Cambridge University Press. 517 p.

Linz J.J. 2000. *Totalitarian and Authoritarian Regimes*. London: Rienner. 343 p.

Sutowski V. 2018. "Guter Wandel" zum "neuen Autoritarismus" – und wie weiter? – *Aus Politik und Zeitgeschichte*. No. 10-11. P. 15-18.

Carothers T. 2005. A sober look at democracy. – *Pro et contra*. No. 1 (28). P. 73-80.

Huntington S.P. 2003. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. (Russ. ed.: Huntington S.P. *Tret'ya volna. Demokratizatsiya v kontse XX veka*. Moscow: ROSSPEN).

Yazhborovskaya I.S. 2016. Poland 2015-2016. Chronicle of Neoauthoritarian. – *Polis. Political Studies*. No. 5. P. 49-65. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2016.05.05

Литература на русском языке

Глухова А.В. 2017. Популизм как политический феномен: вызов современной демократии – *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 49-68. https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.06

Карозерс Т. 2005. Трезвый взгляд на демократию. – *Pro et Contra*. № 1 (28). С. 73-80.

Хантингтон С. 2003. *Третья волна. Демократизация в конце XX века*. М.: РОССПЭН. 368 с.

Яжборовская И.С. 2016. Польша 2015-2016 гг. Хроника неоавторитарного реванша. – *Полис. Политические исследования*. No. 5. С. 49-65. https://doi.org/10.17976/jpps/2016.05.05